

ПАВЕЛ
ПАВЛОВИЧ
МУРАТОВ

418

ПАВЕЛ Павлович Муратов (март 1881, Бобров Воронежской губ. — 5.02.1950, Уотерфорд, Ирландия) — писатель, искусствовед, переводчик. Сын военного врача, среднее образование получил в кадетском корпусе. В 1903 г., окончив Санкт-Петербургский институт путей сообщения и получив диплом инженера, переехал в Москву. Служил библиотекарем Московского университета, потом хранителем отдела изящных искусств и классических древностей Румянцевского музея.

Писатель Борис Константинович Зайцев, с которым Муратов был знаком с 1903 г. (именно Зайцеву впоследствии будут посвящены знаменитые муратовские “Образы Италии”), в своих мемуарах писал о Муратове:

“Павел Павлович (мы тогда звали его дружески «Патя» — так до старости и осталось)... — с мягкими рыжеватыми усиками, боковым пробором на голове, карими, очень умными глазами. Держался скромно... Нечто весьма располагающее и своеобразно-милое сразу в нем чувствовалось. При такой тихой внешности обладал способностью постоянно увлекаться — в чем, собственно, и прошла вся его жизнь. При его одаренности это давало иногда плоды замечательные... С этим умнейшим человеком, которому ничего не надо было объяснять, можно было соглашаться или не соглашаться, но никогда не приходилось его упрекать за «середину», «золотую»: он всегда видел вещи с особенной, своей точки. Один из оригинальнейших, интереснейших собеседников, каких доводилось знать”.

419

Первые искусствоведческие работы Муратова явились результатом его поездок в Европу, где он серьезно занимался изучением французского постимпрессионизма. Б. Зайцев писал о том времени:

“Помню весну 1906 года, московский журнальчик «Зори» — Муратов присылал нам из Парижа статьи о новейших художниках. В то время Италии еще не знал и к тому азарту, с каким мы с женой восхищались Италией на всех перекрестках Москвы, относился довольно равнодушно. Его занимали Матиссы, Гогены. Однако же вскоре и он попал в Италию и так же, как мы, навсегда попался. Это была роковая встреча: внесла его имя в нашу культуру и литературу — в высокой и благородной форме”.

В 1908 г. П. П. Муратов впервые побывал во Флоренции вместе с первой женой, Евгенией Владимировной. Во Флоренции они поселились вместе с Борисом Константиновичем и Верой Алексеевной Зайцевыми в “Albergo Cogona d’Italia”, который Зайцевы открыли для себя еще в 1904 г. (Эта гостиница, находящаяся на соединении улиц Via Nazionale и Via del Ariento, существует и сегодня.)

С ноября 1911 по август 1912 г. П. П. Муратов вместе со второй женой, Екатериной Сергеевной, находился в новой командировке в Италии от Румянцевского музея для написания двухтомника “Новеллы Итальянского Возрождения” (вышел в Москве в 1912 г.) и снова был во Флоренции. Очерки Муратова на итальянские темы публиковались в “Русских ведомостях”, “Зорях”, “Аполлоне”, “Золотом руне”, “Старых годах” и составили впоследствии большую книгу “Образы Италии”. По словам писателя Б. Зайцева, успех “Образов” был “большой и непререкаемый”:

“В русской литературе нет ничего им равного по артистичности переживания Италии, по познаниям и изящности исполнения. Идут эти книги в тон и с той полосой русского духовного развития, когда культура наша в некоем недолгом «ренессансе» или «серебряном веке» выходила из провинциализма конца XIX столетия к краткому, трагическому цветению начала XX-го”.

В предисловии к “Образам Италии” П. П. Муратов писал:

“Эта книга является опытом изображения Италии: ее городов и пейзажей, ее исторического и художественного гения. Удержанные здесь образы Италии можно назвать также воспоминаниями. Италия с особенной силой пробуждает в душе каждого способность воспоминаний. Дни, прожитые там, не исчезают бесследно, и прошлое отдельного существования выступает отчетливее на фоне неумиряющего прошлого. Прошлое Италии представляет главную тему этой книги. В нем больше жизни, настоящей вечной жизни, чем в итальянской современности. Она не внушает вражды, мешающей верить в будущее итальянского народа, сохранившего многие прекрасные черты. Но, думается, душа этого народа полнее и вернее выражена в его старом искусстве, в судьбе его исторических героев и в религиозной древней связи с картинами окружающей природы. Италия принадлежит к великим темам, не устающим привлекать мысль и воображение различных людей и сменяющихся поколений. Это целый мир, и каждый, кто вступает в него, проходит в нем отдельной дорогой”.

421

Очерки, посвященные Флоренции, вошли в первый том муратовских “Образов Италии” (они широко использованы во втором разделе нашего издания); среди них: “От Сан-Миниато”, “Кватроченто”, “Судьба Боттичелли”, “Пленный дух”, “Бронзино и его время”. В своих флорентийских “образах” (многие справедливо считают, что наряду с флорентийскими эссе Б. Зайцева это лучшее, что написано в русской литературе о Флорен-

ции) Муратов соединяет блестящие описания города с не менее интересными рассуждениями об истории и быте Флоренции:

422

“Кто полную свою душу несет сюда, — не один только интерес ума или глаза, но все свои чувства и силы, все, что было в жизни, ее правду, ее обманы, ее радости и ее боль и ее сны, — тот не уйдет отсюда без внутренних наитий. Ближе всего к Флоренции тот, кто любит. Для пилигримов любви она священна; в ее светлом воздухе легче и чище сгорает сердце. Счастье любви здесь благоднее, страдание прекраснее, разлука сладостнее. На этом древнем кладбище любви слишком много сожжено великих душ и слишком много пролито драгоценных слез, чтобы не верить здесь в искупление. Все, что здесь создано, создано любовью. Храм и картина, фреска и барельеф — это все кенотафии ее долгого сна, не смерти, а только сна. Старое каждый миг оживает здесь, сливается с новым и снова в нем живет. Так, вечное благоухание роз в здешних монастырях приносит новому пришельцу вместе с раздумьем о прошлом весть о его любви...”

“Флоренция жива, и ее душа еще не вся в ее картинах и дворцах. Она говорит с каждым на языке простом и понятном, как язык родины. И для русского путешественника, может быть, особенно дорого, что здесь всегда чувствуется близость деревни. Смены года, оборот сельского труда и сельского житья здесь всегда заметны, заметны праздники в базарные дни: тогда люднее на улицах, и в маленьких трактириях тогда готовят к обеду

лишнее блюдо. Тогда на площади перед Сан-Лоренцо любители искусства, которые спешат на поклон к гробницам Микельанджело, смешиваются с толпой загорелых крестьян, только что сваливших на соседнем рынке возы овощей и теперь покупающих всякую всячину на торге вокруг мраморного Джованни делле Банде Нере...

В 1914 г. Муратов начал издавать журнал “София”, в котором сотрудничали и его друзья-италофилы Б. Зайцев, М. Осоргин, Б. Грифцов, М. Хусид и др. В мае-июле того же года Муратов предпринимает новую поездку по Италии. Оттуда он морским путем возвратился в Россию и сразу был призван в действующую армию, служил офицером в гаубичной батарее на Австрийском фронте, затем был переведен на Кавказ. С весны 1915 г. отвечал за воздушную оборону Севастополя, военным комендантом которого был его брат. В Севастополе в свободное время Муратов занимался переводами, в частности, известной книги Б. Бернсона “Флорентийские живописцы” (издана в Москве в 1923 г.).

После большевистской революции, весной 1918 г., П. Муратов стал одним из организаторов (с 1921 г. председателем) Института итальянской культуры — “Studio Italiano”, который просуществовал в Москве около пяти лет. В Институте помимо самого Муратова и таких уже известных литераторов, как М. Осоргин и Б. Зайцев, работали молодые преподаватели университета и сотрудники Музея изобразительных искусств: А. Габричевский, Б. Виппер, Н. Романов, А. Сидоров, М. Хусид,

С. Шервинский. Лекции Института итальянской культуры проводились в аудиториях Университета Шанянского, во 2-м Московском государственном университете (бывших Высших женских курсах в Мерзляковском переулке, д.1/5), в Российской академии истории материальной культуры на Малой Никитской, 12.

424

Впоследствии Б. Зайцев вспоминал о своих встречах с Муратовым в России в первые послереволюционные годы:

“В эти страшные годы мы виделись часто, и оба старались, уходя в литературу, совсем отстраненную от современности, уходить и от проклятой этой современности”.

В те же годы П. Муратов вместе с В. Ходасевичем, М. Осоргиным, Б. Зайцевым, Н. Бердяевым учредил кооперативную книжную лавку (она располагалась сначала в Леонтьевском переулке, затем переехала на Большую Никитскую), которая стала важным интеллектуальным центром Москвы.

Просветительская и общественная деятельность Муратова привлекла внимание властей — в августе 1921 г. он был арестован за участие в Комиссии помощи голодающим. Зайцев вспоминал об аресте членов “Помгола”:

“Помню, — в прихожей раздался шум, неизвестно, что за шум, почему, но сразу стало ясно: идет беда. В следующее мгновение с десятков кожаных курток с револьверами, в высоких сапогах, бурей вылетели из полусумрака передней, и один из них гаркнул: «Постановлением Всероссийской Чрезвычайной Комиссии все присутствующие

арестованы!»... Еще помню, что через несколько минут через ту же прихожую пробирался к нам несколько неуклюже и как бы конфузливо П. П. Муратов. — «Ты зачем тут? Эх-х, ты...» — Павел Павлович был тоже членом Комитета. Он опоздал. Подойдя к особняку, увидел чекистов, увидел арест... — «Ну и чего же ты не повернул?» — «Да уж так, вместе заседали, вместе и отвечать...»

Во внутренней тюрьме Лубянки (так называемой “конторе Аванесова”) Муратов оказался в одной камере с Осоргиным и Зайцевым; вскоре он был выпущен.

14 сентября 1921 г. П. Муратов председательствовал в Москве на торжественном заседании по случаю 600-летия со дня смерти Данте. А в начале 1922 г., как сотрудник отдела по делам музеев и охраны памятников искусства Наркомата просвещения, Муратов вместе с семьей выехал в заграничную командировку в Германию, из которой в Россию не вернулся. До 1927 г. Муратов жил в Риме, потом поселился в Париже, побывал в Японии и Америке, а незадолго до Второй мировой войны перебрался в Англию, где пережил налеты германской авиации на Лондон. Умер П. П. Муратов в 1950 г. в имении друзей в Ирландии.